

Успехи муз. - 1985. -
2-8 маяб. - с. 11.

РАМПА

От клаустрофобии – гастролы, от беспамятства – «Бесы» в «Вишневых садах»

АЛЫЙ драматический театр из Санкт-Петербурга не был в Москве восемь лет. За эти годы до нас доходили слухи о его невероятных успехах, positive фантастическом излете, популярности во всем мире.

Восемь лет назад мы расставались с одним театром, а сегодня встречаем уже совсем другой. И дело здесь не только в том, что возмужали, повзрослели актеры и их режиссер Лев Додин; и даже не в том, что мировая известность коллектива создала этому театру твердую репутацию как в театральных, так и в широких зрительских кругах. Дело, видимо, в «структуре момента», как говорил герой Курта Воннегута Билли Пиллигрим, — она такова, какой сложилась к новой нашей встрече.

На пресс-конференции, предшествовавшей гастролям театра Льва Додина, собралось множество людей театра. Разговор был долгим — слишком много за прошедшие годы накопилось вопросов к Льву Додину, и режиссер постарался ответить на все. Он рассказал о том, как встретился с Москвой, где некогда пережил сильнейшие театральные впечатления, где несколько лет ставил в неразделенном тогда еще МХАТе свои знаменитые спектакли — «Господ Голодулевы» и «Кроткую». Сказал о том, как жалеет, что смогли привести в столицу только пять названий своего обширного, обкатанного по миру репертуара...

Малый драматический театр пробудет в Москве двадцать пять дней. За это время мы увидим спектакли «Братья и сестры», «Гудесамус», «Клаустрофобия», «Вишневый сад» и «Бесов». Премьера почти каждого из пяти этих названий состоялась за границей. «Обычно мы стараемся половину сезона проводить дома, — говорил Лев Додин. — Иногда это происходит не подряд, а с некоторыми разрывами. Кроме того, иногда мы погружаемся в репетиции и тогда вынуждены на какое-то время закрыть театр. И обязательно по Питеру ползут слухи, что мы снова куда-то уехали. Мы обычно их не опровергаем...»

Модель этого театра — дом, семья. Поэтому, наверное, своеобразной визитной карточкой Малого драматического на протяжении многих лет являются спектакли «Братья и сестры» и «Дом» по произведениям Федора Абрамова. Первый из них многие видели в прошлый приезд театра Додина и... вновь пришли, восемь лет спустя, чтобы испытать новое потрясение и новое очищение своей собственной историей. Такой далекой, как казалось тогда. Такой близкой, как оказалось сегодня...

Одна из последних премьер театра «Вишневый сад». Мне кажется, это название не случайно возникло на афише Малого драматического. И не случайно тему распаляющегося дома, разлетающейся в разные стороны семьи Лев Додин облекает мыслью столь жесткой.

Наверное, зарубежным зрителям спектакля видится в этом загадка русской души, но мне представляется, что нежелание, вернее, некая внутренняя невозможность сделать хоть что-нибудь для сохранения близкого, дорогого твоей душе — черты внешнецивилизма. Есть такой человеческий тип: говорит о приближающейся потере, обдумывает проекты сохранения, но пальцем не поведывает во имя этого сохранения. И наступает момент, когда энергия уходит даже из слов — льются гладкие речи, как-то немного лениво пробираются задумки... Вот в такой именно момент предстают перед нами персонажи «Вишневый сад»: Раневская (Т. Шестакова), Гаев (С. Бектерев), даже Вара (Н. Акимов). Они знают, что ничего нельзя изменить, что никакая ярославская бабушка ничем не поможет, и все же как будто держатся за надежду. И лишь в тот момент, когда сад продан, когда Лопухин (И. Иванов) деловито ответит на вопрос Раневской: «Я купил...» — начнется истерика, смута, крушение. Начнутся для того лишь, чтобы спустя совсем немного времени всем стало легче от этого выплеска скопившейся энергии. И вновь по кругу пойдут мечты о том, как прожить бабушкины тысячи в Париже, как приживется в банке Гаев, как выучится и вы-

нет работать Аня (Н. Соколова), никто будет пучить нос — по уже гоним, и пустых стенах...

Загадка русской души? Пожалуй, лишь на взгляд иностранца. Для нас все — знакомое, родное, каждым пережитое, даже если никогда зрительской спиной не осыпались волшебным кружением вишневые лепестки. Просто память — та загадочная категория, которая есть у всех, даже если ее толчки ощущаются не часто и не особенно болезненно. Все — до поры до времени. Вот эта мысль Льва Додина оказалась для меня наиболее дорогой в спектакле, тем паче что в роли Фирсы московские зрители смогли увидеть одного из любимейших актеров прославленного БДТ — Евгения Лебедева. Каждое появление этого артиста на сцене в спектакле становилось кусочком оживающей, тревожно звучащей коллективной памяти, и словно незримая ниточка протягивалась между временами, между людьми, соседняя, сливая их в едином потоке Театра: еще совсем недавно питерские критики любили противопоставить двух режиссеров — Тонстопогоса и Додина, делая это подчас грубо, ибо, испытывая какое-то непонятное наслаждение от того, что у молодого Мастера можно «отдлиннить» и тень. Лев Додин — ученик Тонстопогоса и не забывает об этом. А если и не всегда вспоминает — на помощь приходит нечто мистическое, то, что дозволяет режиссера пригласить на роль Фирсы именно Евгения Лебедева — может быть, самого товтопогосовского актера, по-прежнему заставляющего нас плакать, смеяться, забывать о собственной жизни в те моменты, когда он царит на сцене. Лебедев играл в спектакле Льва Додина то живое прошлое, о котором бесконечно говорят персонажи. И, как подлинное прошлое, его Фирс остался в запертом доме, когда все разлетелось в разные стороны. И выпала заблудливо задутая свеча из рук того, кто «не согласился с волей», а оказался самым «вольным», самым свободным из всех...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Санкт-Петербург
Малый драм. театр